

Но, подумав о вчерашних переговорах с Ба Чжаном, Гу Чжэнь снова почувствовал некоторую неуверенность. Быть осторожным никогда не повредит, и он решил лишний раз напомнить. Хотя эти брат и сестра в своих мыслях только и мечтали о том, как бы убить его, сам Гу Чжэнь действительно не хотел их смерти.

Он вообще не хотел, чтобы кто-то умирал.

— Битва у Цюньсяна затянулась уже слишком долго. Сейчас у вас есть шанс завершить её и защитить границы Цзяньюнь. Более того, право принятия решения полностью в ваших руках. Возможно, вы этого не знаете, но сейчас я могу вам сказать: за пределами границы Цюньсяна на севере лежит государство Легу, а на юге — богатейшие земли Бинци. Потеря Цюньсяна будет означать, что мы обнажим слабое место нашей страны перед другими государствами. Сейчас Цзяньюнь охвачен войной, и если мы действительно потеряем Цюньсян, это станет предвестником краха нашей страны. Как говорится, небеса возлагают великую миссию на достойных. Раньше я допускал ошибки в отношении вас двоих и не надеюсь на прощение, но прошу вас, ради Цзяньюнь, ради бесчисленных простых людей, взять на себя эту великую миссию и сражаться за Цзяньюнь! — Закончив речь, он торжественно поклонился. Этот приём он перенял у Хэ Сюйляна: сначала навязать собеседнику высокую ответственность, а затем смиренно просить, чтобы дело шло гладко.

На самом деле Гу Чжэнь мог бы и не поступать так. Будучи канцлером, вторым человеком в государстве, он мог бы распоряжаться жизнями и смертями, не спрашивая никого. Но Гу Чжэнь хотел укрепить свою позицию. В оригинальной истории он умер слишком рано, и у него не было надёжных союзников. Всё приходилось начинать с нуля. А тут перед ним были двое искусных воинов, которых он крепко держал под контролем. Почему бы не использовать их?

Хотя его прошлые преступления, вероятно, уже не смыть, получить немного их расположения, чтобы в будущем они больше трудились на благо страны, было бы неплохо.

Гу Чжэнь произнёс свою пламенную речь, и Е Жэнь, казалось, был немного воодушевлён. Он был готов умереть на поле боя. Украдкой он взглянул на лицо сестры, но оно было непроницаемо, и он не смог уловить её эмоций. Е Жэнь почувствовал некоторое беспокойство и украдкой посмотрел в сторону Хэ Сюйляна, но тот пристально смотрел на этого собачьего канцлера. Его золотистые глаза не выражали никаких эмоций, но Е Жэнь всё равно чувствовал себя некомфортно. Возможно, это было из-за того, что человек, которым он больше всего восхищался с детства, был слишком близок к тому, кого он больше всего ненавидел.

Думая об этом, Е Жэнь почувствовал досаду. Он хотел стать настоящим мужчиной, но постоянно закичивался на таких мелочах. Возможно, он ещё не достиг широты души своей сестры. Близость Хэ Сюйляна к этому собачьему канцлеру, вероятно, имела свои причины. К тому же он уже не ребёнок и должен иметь собственные суждения, а не всегда ждать советов от Хэ Сюйляна.

Подумав, Е Жэнь стиснул губы, как будто приняв решение, и сказал:

— Господин, я готов сражаться за страну.

Эти слова вызвали разные реакции у присутствующих. Хэ Сюйлян, как всегда, оставался невозмутимым. Гу Чжэнь выглядел радостным и довольным. Си Юэ выражала удивление, шок и даже немного разочарования. Самым сложным было выражение лица Лян Даго, шпиона, который испытывал смешанные чувства.

Гу Чжэнь уже давно догадывался, что Е Жэнь согласится. Несмотря на то, что этот ребёнок

старался казаться зрелым, ему было всего 16 лет, и его эмоции часто были написаны на лице. Он мечтал о битвах, убийствах врагов, офицерских званиях и богатстве, словно на его спине было выгравировано «Верность стране». К тому же будучи молодым и горячим, он некоторое время учился у Лян Даго, и его эмоции стали ещё более неуправляемыми. Поэтому Гу Чжэнь одобрительно кивнул и решительно сказал:

— Хорошо, сила молодёжи — это сила страны. Е Жань в таком юном возрасте уже проявляет такую ответственность, это большая удача для Цзяньюнь. Хотя поговорка «У храброго отца не бывает трусливого сына» здесь не совсем уместна, я думаю, что как старшая сестра, Си Юэ, вы не отступите в решающий момент, верно?

Си Юэ с удивлением подняла голову. Перед ней стоял человек с мягкой и безобидной улыбкой, но она не могла понять, что скрывается за этой улыбкой. В любом случае, будь она обычным человеком, марионеткой, чья жизнь находилась в руках Гу Чжэня, или сестрой Е Жаня, у неё не было оснований возражать. Она замерла на секунду, а затем поклонилась:

— Благодарю ваше превосходительство канцлера за милость.

Дни шли быстро, и хотя у всех были свои недовольства, никто не осмеливался высказать их. За это время показатель Гу Чжэня немного вырос и теперь составлял 0.51. Хотя это было незначительно, всё же лучше, чем ничего.

Вскоре наступил день решающей битвы. Погода неожиданно была ясной, и долгожданный солнечный свет заливал всё вокруг, делая мир сияющим. Этот вид заставил даже Гу Чжэня почувствовать прилив воодушевления.

Перед отправлением Гу Чжэнь снова собрал всех, чтобы выпить перед боем, и произнёс ещё одну пламенную речь, которая даже его самого вдохновила. Он обнаружил, что это тело обладает некоторыми способностями, например, красноречием. Раньше его три диплома были бесполезны, но теперь он мог легко использовать сложные выражения и даже при желании говорить с лёгким налётом учёности. В конце концов, это тело принадлежало главе гражданских чиновников. Хотя он был негодяем, но, вероятно, обладал некоторыми знаниями.

Закончив речь, он отправился в путь во главе большого отряда, оставив лишь несколько отрядов для защиты лагеря.

Си Юэ и Е Жань ехали впереди на двух гнедых конях. Гу Чжэнь, Хэ Сюйлян и Лян Даго шли в середине колонны. Гу Чжэнь смотрел на отряд впереди и почувствовал горечь похода. Его сердце начало биться быстрее, хотя это испытание было лишь небольшой частью настоящей войны. Тем не менее, результат определял исход битвы и целостность территории страны. Гу Чжэнь, который никогда не служил в армии, естественно, был немного взволнован.

Но они обязательно победят, поэтому, кроме волнения, он не чувствовал особого напряжения.

«Всё решится здесь», — сказал он себе.

Местом решающей битвы было подножие Пограничной горы, где находилась большая поляна, ранее покрытая толстым слоем снега, но теперь расчищенная. Когда Гу Чжэнь и его люди прибыли, кочевники-ху уже были там. Издалека доносились их оглушительные крики. Их было в пять раз больше, чем на прошлых переговорах. Видимо, все способные сражаться мужчины пришли посмотреть на битву, которая определит судьбу их племени.

Издалека они казались просто тёмной массой, но, приблизившись, Гу Чжэнь сглотнул и

почувствовал давление.

Это были не люди, а какие-то гориллы. Их было так много, и они держали в руках самодельное оружие или трофеи, захваченные у армии Цзяньюнь, и кричали на непонятном языке. Гу Чжэнь почувствовал, будто попал в мир монстров.

Ба Чжан быстро вышел вперёд и, увидев Гу Чжэня, приказал своим людям замолчать. С угрожающим видом он нахмурился и закричал на Гу Чжэня:

— Ты, говорить, считать? Битва, три, все выиграть?

Хотя его речь была неразборчивой, Гу Чжэнь понял и крикнул в ответ:

— Да, три битвы. Если вы выиграете хотя бы одну, мы признаем поражение!

Ба Чжан на мгновение задумался, а затем крикнул:

— Слова, нет, доказать, подписать, военное обязательство!

Гу Чжэнь немного удивился, подумав, что этот грубиян не совсем глуп.

Ба Чжан поднял свою огромную ладонь, размером с половину медного таза, и помахал ею назад. Толпа за ним быстро расступилась, образовав узкий проход, через который вышел всадник. В отличие от грубых кочевников-ху, это был худощавый мужчина с приятной внешностью, державший в руках что-то похожее на свиток. Он подъехал к Ба Чжану.

Гу Чжэнь нахмурился:

— Это... это человек из наших земель?

Лян Даго ответил:

— Возможно, он добровольно перешёл на сторону кочевников.

<http://bllate.org/book/16782/1543340>